

Лев Горфункель

Серая мышка,
которая всею боялась

Лев Горфункель

**Серая мышка,
которая всего боялась**

«Издательские решения»

Горфункель Л.

Серая мышка, которая всего боялась / Л. Горфункель —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853004-3

Это книга-исследование и книга-благодарность. Автор пытается отыскать источник той удивительной энергии и способности к преодолению, которые Анна Михайловна Горфункель продолжает демонстрировать и сегодня, в свои девяносто лет. Читателю как будто предлагается подумать о мотивах «хочу» и «надо» на его собственном пути и оценить обе стороны медали. Несмотря на серьезность темы, книга написана удивительно легким языком, с юмором и самоиронией, ставшими уже визитной карточкой этого автора.

ISBN 978-5-44-853004-3

© Горфункель Л.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Детство	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Серая мышка, которая всего боялась

Лев Горфункель

© Лев Горфункель, 2017

ISBN 978-5-4485-3004-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мне 56 лет, я давно уже живу далеко от мамы, вообще в другой стране, в Австралии, то есть даже на другой половине земли, и у меня полно забот, проблем и даже внуков, которые из всех моих проблем являются, пожалуй, наименьшей. Возможно, потому что я их почти не вижу, а может быть, потому что проблемы приносят только дети, особенно если их больше двух.

У моей мамы, например, трое детей, а до моего появления было двое. Из этого несложного уравнения понятно, что я в семье младший ребенок. Считается, что младшему ребенку живется лучше остальных детей в семье, поскольку, во-первых, у младшего больше привилегий, а во-вторых, он получает внимание от всех более старших членов семьи, которых для него тоже больше. Так-то оно, конечно, так, но не надо забывать, что «с другой стороны, тещи тоже три», – каждому ведь и неприятности прилетают от всех старших, и здесь их тоже больше. К тому же самый младший в семье ребенок обоснованно чувствует свою «вину»: у него нет младших братьев и сестер, наверное, он что-то сделал такое, после чего родители решили вообще больше не заводить детей. Нет, на самом деле я это придумал – ни я и, думаю, никто другой так не думает, и вряд ли кому это вообще взбрдет в голову. Но согласитесь, неплохой способ получить дополнительные ласки и уверения, что ты самый лучший: опустить глаза, сказать: «Мама, я, наверное, очень плохой, раз вы решили больше не заводить детей» – и получить целую порцию объятий и поцелуев с уверениями в любви и восхищении.

К чему я все это говорю? К тому, что так, может быть, и могло бы быть в какой-нибудь семье, но только не в нашей. В нашей семье не принято было нас, детей, хвалить. Я не помню вообще, чтобы родители меня хвалили. Возможно, в силу высокой требовательности наших родителей к нам мне не удалось совершить ничего, достойного их похвалы. А возможно, что я просто этого не помню, поскольку я вообще мало что помню из своего прошлого. Когда я однажды, совсем недавно, сказал маме, что я что-то не припомню, чтобы она меня в детстве хвалила, мама задумалась и через некоторое время сообщила мне, что это не так и сейчас она мне предъявит доказательства. Доказательством служила вырезка из газеты «Удмуртская правда», где были сфотографированы пять или шесть пионеров, отдающих салют на фоне флага, кажется, с Лениным, Марксом и Энгельсом. А может, Ленин в тот раз был один. Среди пионеров я узнал себя. Надпись гласила, что вот это пионеры лучшей пионерской дружины то ли школы, то ли района, а может даже города. Что меня удивило на этой фотографии – что я был выше всех, чего быть в принципе не могло, потому что я всегда был самый маленький, и от этого я сразу вспомнил эти события. Я не помнил, почему позвали меня, ведь я не был ни отличником, ни примером в поведении. Но я вспомнил, как фотограф нас расставлял. Он долго переставлял нас с места на место, как кегли, и все не мог найти нужный вариант. А потом он так устал, что сообщил нам открыто, что вся проблема во мне, потому что я сильно отличаюсь от остальных «фигурантов» своим ростом. Это было правдой, я в то время в основном был всем по пояс или чуть выше. Мало того, для фотографирования выбрали, кажется, самых красивых девочек нашего класса, а они были еще и высокими. Так что все достойные пионеры были примерно одного – и большого – роста, которым они как бы подчеркивали высокие достижения дружины, и только я портил всю картину, напоминая своим ростом о ложке дегтя. Бедный фотограф в другой ситуации, наверное, просто попросил бы заменить статиста, но тут дети – дело тонкое, жалостливое. Поэтому он пошел по кривому пути измены принципам социалистического реализма и предложил мне встать на стул, а чтобы стула не было видно, я должен был встать на него позади первого ряда фотографирующихся. Так и получилась эта фотка: пять высоких пионеров и сзади – самый высокий я. Доказывая, что она меня все-таки хвалила, мама сообщила, что, когда вышла эта газета, она понесла ее в пединститут и там всем показывала.

На это я возразил, что это она не меня хвалила, а хвалилась мной перед коллегами, что совсем не одно и то же. Вполне возможно, что в детстве мне вообще было неважно, хвалили меня родители или нет. Подумаешь, великое достижение – заслужил похвалу родителей, вот тренер похвалил – это да, а родители – это так, для грудных детей. Вот так, точно. Так я, наверное, и думал вплоть до совсем недавнего времени, когда совершил свое удивительное открытие.

Года четыре назад я начал заниматься йогой. Моя жена притащила меня туда практически насильно под предлогом лечения спины. У меня действительно давно уже болела спина, причем боли начались безо всякой видимой причины, просто начались и не проходили. Никакие врачи помочь ничем не смогли, только радостно сообщали после каждого очередного снимка, что никаких повреждений нет и вообще нет никаких видимых причин для болей. Отлично, ребята, здорово. Но ведь спина-то продолжает болеть, и ваши уверения, что для этого нет причин, означают лишь, что вы не знаете, как мне помочь! Постоянная боль в спине – то еще испытание, кто через это прошел, знает. Вот тут моя жена и подсунула мне этот листочек из студии йоги, сказав, что надо попробовать, раз ничего другое не помогает, и что она тоже пойдет со мной, и я буду для нее дополнительным стимулом, а то сама она никак не может собраться начать. Это такая известная женская хитрость, на которую мы, мужчины, попадаемся постоянно, такие очередные грабли. Действительно, раз ты стимул – как же можно отказаться, вперед, так сказать, полезай в кузов. Короче, мы пошли на йогу. Занятие это оказалось таким, как я себе и представлял: скучным и лишенным всякого содержания. Физическая нагрузка невысокая, лучше уж походить в тренажерный зал, поподнимать гантели, глядишь, может, мышцы какие вырастут. А тут что – только потеря времени. Да, многие позы оказались для меня сложными, ну так это просто с непривычки, а стоит ли тратить время на то, чтобы учиться стоять на одной ноге, когда у тебя их две... Но я продолжал стойко нести хитростью подsunутое мне знамя стимула. Месяца через два я вдруг вспомнил, что ведь у меня болела спина и что я даже не заметил, когда и как она прошла. К этому времени я уже достаточно бодро делал упражнения и принимал позы, хотя никогда не мог запомнить их названия. Мы походили еще год, а потом решили, что нечего тратить деньги, поскольку теперь мы можем сами заниматься дома, в интернете полно онлайн-уроков, да мы и запомнили немало. Так и продолжаем.

Так вот, возвращаясь к своему открытию. Однажды я обнаружил, что, делая йогу, я мысленно разговариваю с мамой. И не просто разговариваю, а показываю ей, как здорово я делаю йогу, а она меня хвалит. Вообще, я часто в мыслях с кем-нибудь разговариваю. Мысленный собеседник очень удобен: внимательный слушатель, всегда под рукой и в любой момент можно выключить. Но я как-то не думал, что в его роли может оказаться мама. Потом я еще раз это заметил, и еще раз, и всегда я в это время делал йогу, и мама меня хвалила. А я не просто делал, а демонстрировал маме эти упражнения и ожидал похвалы, как маленький ребенок.

Сделанное открытие меня удивило в первую очередь тем, что, как я уже сказал, я не припомню, чтобы я в детстве сильно искал одобрения родителей. Хотя, возможно, все равно ждал. Возможно, даже получал, но мало. Не хватало. И вот теперь стараюсь добрать, так сказать, полагавшееся, но неполученное.

Такое бывает сплошь и рядом. Лучший пример этого – моя тетя Наташа, мамина сестра. Она мне рассказывала, что в далеком детстве однажды она попросила родителей купить понравившееся ей платье в горошек. Но родители, будучи, во-первых, ограничены в деньгах, а во-вторых, вообще, людьми строгими и считавшими, что всякое «излишество и нескромность» вредит, не купили. А она очень хотела и очень просила. Не вышло. С тех пор как тетя Наташа выросла и стала самостоятельным человеком, у нее все было в горошек: занавески, скатерти, простыни. Детство никогда нас не оставляет, и это проявляется в совершенно неожиданных формах.

Так и я вдруг понял, что не хватило мне маминых одобрений. Это странно хотя бы потому, что все последние лет тридцать я только и слышу от мамы одобрения и похвалы в мой

адрес. Впрочем, не только в мой – в нас всех, детей, внуков и уже правнуков. И не просто одобрения, а восхищения и благодарности самой высокой пробы! Мы, конечно, все люди неплохие, даже, наверное, хорошие, но уж не до такой степени, как это преподносит в своих похвалах мама. Похоже, ей и самой не хватило в свое время восхищения своими детьми и она тоже добирает...

Вот так я объяснил себе тот странный факт, что я мысленно разговариваю с мамой и показываю ей, как я делаю йогу. Странные мы, люди. Все себе объясняем, легко находим толкование всему и сразу же верим, что мы вот такие крутые, раскусили весь этот мир. На самом деле эти мои «видения» были предвестником совершенно реального события, о котором скажу позднее, и даже подсказкой и помощью, которую я, как и большинство людей в таких случаях, даже не попытался увидеть. Впрочем, судьба добра ко всем, даже к таким самонадеянным субъектам. И когда эти события настанут, она снова предложит свою помощь, которую я так гордо не заметил.

Но это будет потом, а сейчас, легко объяснив себе происходящие мысленные разговоры с мамой, я стал задумываться о маминой жизни и пытаться себе представить, какой эта жизнь была. Лет пять назад я написал книгу¹ про отца и, пока писал ее, узнал, насколько же непростой была жизнь родителей.

Вообще, поколение наших родителей, то есть тех, кому сейчас за восемьдесят, жило очень тяжело: нищета нищих, раскулачивание кулаков, война, послевоенная разруха, нехватка жилья, транспорта и так далее и так далее. И все это на фоне страхов, голода и холода. Конечно, люди и при этих условиях умели радоваться, строить планы, любить. Но сами условия от этого лучше не становились, так что жилось им гораздо труднее, чем нам и тем более нашим детям. Но это общие тяжести, общие для всех и не являющиеся выбором, – просто такие условия.

Мои же родители добавляли к этим условиям и свои препятствия, отчего их жизнь была еще сложнее. Причем вот эти добавленные сложности для них были разными: если отец во всем рвался вперед, преодолевая объективные, внешние, крупные такие стратегические трудности и игнорируя неизбежно появляющиеся в силу этого трудности обыденные, то мама шла за ним и вынуждена была бороться с этими обыденными, а потому многочисленными и вечными проблемами.

Все, кто знает маму, без сомнения отметили ее способность преодолевать препятствия, причем самого разного свойства – от профессиональных проблем до домашних забот. Но самым примечательным является то, что эта мамина способность не покидает ее до сих пор, а маме, между прочим, девяносто. Мама ведет активную жизнь, а такая жизнь время от времени приводит к каким-нибудь препятствиям. И пока еще ни одно из них маму не остановило – ни болезни (а у кого их нет в таком возрасте), ни чиновники, ни меняющиеся требования современной жизни. Например, информационные технологии. Мама никогда не была склонна к техническим новшествам и спокойно обходилась без них. Но с какого-то времени дети и внуки стали разъезжаться по разным городам и странам, и надо было как-то поддерживать с ними связь. Кроме того, мама писала воспоминания, и понятно было, что лучше делать это в электронном виде. Так что лет примерно в семьдесят пять мама начала осваивать компьютер. Сначала она освоила текстовый редактор и смогла заносить туда свои воспоминания, благодаря чему их теперь можно прочитать из любого места, что я, например, периодически и делаю. Затем она занялась электронной почтой, и теперь вся семья регулярно переписывается, это примерно 30 человек в разных городах и странах, мы поздравляем друг друга с праздниками и обмениваемся информацией о значимых событиях в семье. Потом мама освоила скайп, и у нас появились еженедельные онлайн-встречи в составе «мама и дети», то есть мои две сестры и я, «мама и внуки» и «мама и правнуки», и для каждой «группы» у мамы своя

¹ «Война, любовь и психология», книга издана в 2012 году Удмуртским государственным университетом.

программа, она сидит перед экраном со списком заранее продуманных вопросов для обсуждения. А потом мама освоила работу в интернете и теперь уже самостоятельно отыскивает там любую необходимую информацию. К своему девяностолетию она подошла, отлично владея этими современными технологиями. Размеры задач никогда не останавливали маму, она всегда смело бралась за них и всегда справлялась.

Звучит хорошо и правдиво, но как-то не очень вяжется с мамой в моем представлении, я ее знаю совсем не такой, совсем не таким несгибаемым монстром, а, наоборот, легкоранимой, глубоко сопереживающей всем и, как мне казалось, не такой уж и бесстрашной. Мои впечатления подкреплялись и самой мамой, говорившей, что она с детства была очень пугливой, нерешительной и вообще всего боялась.

Как же это так получается, что не очень решительный человек решительно берется за все самые сложные задачи да еще и решает их?

Наверное, люди, которые знают маму много лет, а это в основном ее коллеги и ученики, сказали бы, что вот такая сильная личность. Да, конечно. Но сильные личности бывают разные. Как и смелые. Бывают те, кто не боится идти навстречу опасностям, а бывают те, кто боится, но все равно идут.

Был такой анекдот или байка: в окопе оказались генерал и солдат, им предстоит принять неравный бой, хотя могли бы убежать. Солдата аж трясет от страха. Генерал смотрит на него снисходительно и говорит:

– Что, солдат, страшно тебе?

– Да, страшно.

Генерал:

– Вот потому ты и солдат. А я генерал – мне не страшно.

– Да, – говорит солдат, – но, возможно, если бы тебе было так же страшно, как мне сейчас, ты бы уже убежал.

Сама мама про себя говорит, что всегда была «серой мышкой и всего боялась». А я всегда в такие минуты говорю маме, чтобы она не кокетничала, ведь то, какой люди ее знают, никак не соответствует такому определению. Но на самом деле я маме поверил и решил, что так оно и было. Я решил, что сначала мама всего боялась, но все равно шла и делала. А потом этот шаблон – «боюсь, но надо, поэтому иду и делаю» – стал ее путеводителем, образом жизни, из которого постепенно – за ненадобностью – исчезло «боюсь», а оставшееся «НАДО, иду и делаю» стало привычным руководством.

Я неслучайно выделил слово «НАДО». Во-первых, это слово приобрело у меня стойкую ассоциацию с мамой, я это помню с детства. Видимо, оно применялось часто, возможно, в разных формах, но суть от этого не менялась. Во-вторых, читая разные материалы из нашего архива, я практически визуально себе представлял вот это вот «НАДО», стоящее рядом с мамой в самые сложные моменты ее жизни, не только подталкивающее ее к необходимым решительным действиям, но и поддерживающее на всем пути, не дававшее расслабиться и опустить руки. Оно помогало ей всегда. Оно было ее девизом, путеводителем, рычагом, опорой – всем, что дает человеку силы решиться на то, что пугает и кажется невозможным. Это «НАДО» никогда ее не оставляло, шло с ней по жизни, стало ее частью и в конце концов – о, эта неизбежная ироничная спиралеобразная логика жизни – само поставило перед мамой, пожалуй, самую трудную задачу, о чем тоже, конечно, расскажу.

А пока я задумался: а когда, в какой момент и по какой причине появилось это «НАДО» рядом с мамой, сделав ее из этой самой «мышки, которая всего боялась» личностью, способной на любые преодоления? Как происходят такие изменения вообще? Мне захотелось это узнать. Возможно, чтобы как-то применить это к своим детям и сделать их чуть более способными к преодолению трудностей. А может, я и сам чувствовал нехватку таких способностей и надеялся открыть этот путь для себя. И я стал более внимательно перечитывать мамины

воспоминания в поисках ответа на этот вопрос. Мне кажется, я нашел его. И решил написать об этом. В первую очередь чтобы рассказать об этом самой маме. А также всем ее внукам, правнукам и другим потомкам, настоящим и будущим, и вообще всем, кому интересно. Ведь каждый когда-то оказывается перед стеной, которую, кажется, невозможно преодолеть, а надо.

Как и в прошлый раз², я не буду ничего рассказывать о маминой профессиональной деятельности. Мамина работа, успехи, уважение коллег и студентов, их незабываемый профессиональный и семейный союз с замечательным человеком, моим отцом, – все это известно многим людям и не раз описано в многочисленных статьях о родителях. Я же буду рассказывать о том, что помню сам, и о том, что услышал от самой мамы и прочитал в ее воспоминаниях.

² Имеется в виду упомянутая уже книга про отца.

Детство

Мама родилась в городе Гжатске Смоленской области 17 марта 1927 года. Ее отец – Михаил Лазаревич Витал – умер от менингита, когда маме было всего три месяца. Мама была первым ребенком, он очень радовался ей и с удовольствием проводил с ней все свободное время, нося ее на руках. Он был бухгалтером, профессионалом высокого класса, несмотря на молодость. Бабушкин папа, дед Василий, работал вместе с ним, хорошо его знал и уважал за его высокие интеллектуальные способности. Когда в доме только заговорили об их (Михаила и маминой будущей мамы) возможной свадьбе, дед Василий говорил, что вряд ли Михаил захочет жениться на Катьке (так звали потенциальную невесту, мою будущую бабушку Екатерину Васильевну Виноградову), «он ведь из одного ума состоит». Не знаю, что он имел в виду и почему наличие ума жениха должно было стать препятствием к свадьбе, невеста тоже была далеко не дура, к тому же его дочь. Вполне возможно, что дед Василий сам был не очень счастлив в браке и просто предполагал, что умный человек вообще не станет жениться, – мысль, как известно, не новая, изложенная многократно в разных формах, апогеем которых для нас стала песня со словами «если б я был султан – был бы холостой». Но тогда «Кавказской пленницы» еще не было, поэтому дед Василий для иллюстрации мысли использовал поповшихся под руку молодоженов. Но это только одна из многочисленных возможных версий. В любом случае свадьба состоялась, в результате чего на свет и появилась моя мама. Как я уже сказал, ее отец Михаил Витал был бухгалтером высокого класса, а в те времена бухгалтер был не только «учетчиком», но и – самое главное – ревизором, человеком, проверяющим хозяйственную деятельность других людей, которым было вверено какое-нибудь государственное – а другого тогда не было – имущество. Сочетание ума, профессионализма и высокой порядочности привело к тому, что именно его старались посылать на разные предприятия и в колхозы с проверками, так что ему приходилось много передвигаться по району и области, очень часто просто пешком. Однажды, возвращаясь из очередной такой пешей командировки, Михаил решил отдохнуть, прилег прямо в лесу, через который шел, и уснул. От долгого лежания на земле или, возможно, от ветра он заболел. Когда он пришел домой, вскоре почувствовал себя плохо, болезнь стала развиваться быстро. Его срочно повезли в Москву, где жила его сестра Ольга, но было поздно, его спасти не смогли. Когда я узнал эти подробности, я представил себе, как он, лежа в лесу отдохнуть, засыпая, думал, что вот скоро придет домой, будет опять проводить время с дочкой и как все здорово, и как много времени у них впереди...

После смерти мужа бабушка с дочкой переехала к своим родителям, которые считали, что она уже больше замуж не выйдет, ведь ее умерший муж был еврей, да еще с ребенком. Но они ошиблись: за бабушкой стал ухаживать самый видный «парень на деревне» – учитель Алексей Орлов, очень уважаемый в городе человек, мечта многих девушек, надежда и опора своих родителей. Так что, когда он пришел свататься, мама бабушки требовала от нее немедленного согласия, а папа бабушки – уже знакомый нам дед Василий – на согласии не настаивал в первую очередь потому, что он все еще помнил умершего бабушкиного мужа, которого, как я уже сказал, он очень уважал. Кстати, дед Василий тоже был бухгалтером высочайшего класса и вообще очень хорошим, добрым человеком. Мама очень любила этого своего дедушку, и, когда он заболел и уже лежал и не мог говорить (у него был рак горла), мама – ей было три или четыре года – оказалась единственной в семье, кто каким-то чудом мог догадываться, что ему надо, и поэтому все время была около него. Когда его хоронили, мама очень сильно плакала, няня долго держала ее на руках. Сама мама вспоминает эти события как первое серьезное испытание в жизни.

Другим серьезным испытанием детства мама считает историю с коровой. Было начало тридцатых годов, время расцвета коммунистического способа ведения сельского хозяйства –

кулаков раскулачить, всех коров отобрать и отдать в колхозы для эффективного управления. Первую часть выполнили успешно, а потом коровы в колхозах закончились, остались только в личных хозяйствах, у тех, кто не надеялся на колхозы. А есть хотелось всем. Поэтому коммунистическая партия в лучших своих традициях решила оставшихся коров опять поделить поровну, при этом героически начать с себя. Было принято постановление, что в хозяйстве члена партии не должно было быть больше одной коровы. То есть такая простая математика – в семье может быть два: либо две коровы, но тогда ни одного члена партии, либо один член партии и одна корова. Уж и не знаю, что было в семьях с двумя членами партии, надеюсь, от них не потребовали производить молоко самостоятельно. В маминой семье коровы вообще не было, но зато был член партии – ее новый папа. И жили они с мамой бабушки – тогда уже вдовой деда Василия Анной Павловной. А у нее была корова. И у родителей маминого нового отца, коммуниста, тоже была корова. Родители жили отдельно, но коровы считались общими для семей родственников. Поэтому дедушка, член партии, должен был отдать одну корову, и, как настоящий коммунист, он считал, что надо отдать корову из той семьи, где живет он сам. В то время корова давала, наверное, половину всего витаминного рациона, и лишиться ее – значит существенно снизить свой и без того низкий уровень жизни. Услышав об этом, Анна Павловна пришла в ярость. Она ни в какую не хотела отдавать корову, устраивала скандалы, плакала и рвала на себе волосы, пытаясь таким образом повлиять на свою дочь, чтобы та, в свою очередь, уговонила своего мужа-коммуниста. Еще недавно настаивавшая на их женитьбе, теперешняя Анна Павловна ежедневно раздражалась истериками и причитаниями, среди которых неизменно присутствовало «мы врага пустили в свою семью». Все это продолжалось довольно долгое время и осталось в маминой памяти очень тяжелым воспоминанием. Внесла Анна Павловна свою лепту. Видимо, были у деда Василия основания...

Кроме испытаний, начавшихся в раннем детстве и никогда потом не покидающих маму, она рано познакомилась со страхом. Таких страхов у нее было несколько, и исходили они в основном от няни, которая, не справляясь с детьми и, конечно, не ведая, что воспитывает будущего профессора педагогики и психологии, прибегала к простому народному средству убеждения – запугиванию. Пугала она всем, что «попадалось под руку»: и Бабой-ягой, и Кошеем, и сверчком, и волком, и богом. Такая вот компания. Прямо и не знаю, как туда затесался сверчок. А еще кукушкой. Мамина няня любила спрашивать кукушку, сколько кому лет осталось жить, и мама очень боялась, что ее маме, моей бабушке, кукушка не накукует достаточно. При этом и сама «кукуемая» бабушка любила подпевать: «Мама, ты спишь, а тебя одевают в белый, совсем незнакомый наряд...», окончательно вгоняя свою дочь в слезы, а заботливая няня в это же время просила маму не плакать и «поберечь глаза». Согласитесь, в таком водовороте трудно удержать равновесие. Мама до сих пор помнит эти страхи, а отсутствие слез сегодня связывает и с этими событиями тоже.

Еще из маминых детских страхов – иконы. Няня периодически брала маму в церковь. Вообще, маму окрестили в возрасте трех лет втайне от ее папы – члена партии. Конечно, его согласие на это дело вряд ли могло бы быть получено, ведь партия бога не признавала вообще, а дедушка был настоящим, преданным и политически подкованным коммунистом. Я сам лично помню из своего детства, как он сидел летом на веранде и читал газету (наверное, «Правда») с двумя карандашами – синим и красным – в руках, подчеркивая, видимо, наиболее важные места. Я не разбирался в подробностях: что он подчеркивал красным, а что синим и каковы были последствия, но сам подход! Так что никаких шансов на крещение, стань о нем известно дедушке, не было. Теперь-то, конечно, все изменилось, и нынешнее поколение партийных и государственных идеологов отчаянно крестится по команде, поглядывая на «старшего» и стараясь не забежать вперед и не отстать, полагая, видимо, что этот процесс из той же серии, что и марш в колонне. При этом у них такие же лица, как в новостных передачах с их заседаний в правительстве, – сосредоточенные, нахмурившиеся, вспотевшие от напряжения

и старательности. Никак не смахивает на счастье разговора с богом. Дедушка с его карандашами был гораздо убедительнее. Так вот, няня водила маму в церковь. Наверняка предполагалось при этом, что поход в церковь является желанным событием. На самом же деле все было не так: мама ужасно боялась мрачной обстановки церкви, в особенности икон со святыми, и эти страхи тоже остались с ней до сих пор. Правда, все было не так плохо: от этих страхов мама начинала отчаянно молиться, это старание не оставалось без внимания и воспринималось как усердие и послушание, за что маме первой подавали ложку с причастием, а это уже был положительный момент, который маме нравился и тоже запомнился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.